

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

О ПАЛОМНИЧЕСТВЕ В МЕШХЕД, О КАВЕРЗАХ КОВАРНОЙ ФАТИМЫ-СУЛТАН, О ТРЕХ МЛАДЕНЦАХ И ПРОЧИХ НЕПРИЯТНОСТЯХ И О ВСЕМОГУЩЕСТВЕ АЛЛАХА И ЕГО СВЕЛОСТИ СЫНА МЕШХЕДСКОГО ГУБЕРНАТОРА.

Е. ПОЛИВАНОВ

Кучанец начал так: «До 17-летнего возраста я жил у отца в Кучане и ни разу не видел другого города. Вполне понятно поэтому, что мне страстно хотелось сходить в великолепный Мешхед на поклонение святому Иمامу Риза, куда должна была по ежегодному обыкновению, отправляться группа молодежи.

«Отпустите меня в Мешхед», стал я просить отца, хотя и предчувствовал, что время было не совсем удачное для моего путешествия: ни виноград, ни пшеница не были еще собраны, а в эту пору у иранского крестьянина, как правило, не бывает денег. Но так как против благочестивого паломничества принципиальных возражений у отца не было и не могло быть, а мое желание не отстать от товарищей и повидать прекрасный город Мешхед было настолько велико, что я прямо осаждал отца своей просьбой, — он согласился и сказал:

— «Денег тебе, Исмаил, я дать не могу, кроме этого одного тумана, но я дам тебе письмо к моему знакомому саррафу)¹, у которого имею кредит: я с ним веду торговые дела. Он по этому письму выдаст тебе сколько нужно будет на житье в Мешхеде и на обратный путь. Тем временем мне удастся продать кое-что. Со следую-

щим же караваном сарраф получит от меня туманов пятнадцать — семнадцать».

Я бесконечно обрадовался, уложил свой лучший костюм, четки, серебряную цепочку, чубук, бронзовую пиалу — словом все вещи юного щеголя-йигита, и на следующее же утро, как только забрезжил рассвет, наша веселая компания все таких же юнцов, как и я, с радостными песнями покинула родной город.

Семь дней паломнику полагается быть гостем святого имама Риза: «эти первые семь дней он мне принадлежит» — будто бы сказал сам святой. Но эти семь дней промелькнули для меня, как зачарованный сон, и когда спутники мои стали уже рассчитывать с хозяином караван-сарая, чтобы возвращаться во-свояси, я воскликнул: «Попавши в рай, никто не захочет через неделю покинуть его. Семнадцать лет жить в скучном и жалком Кучане, а в прекрасном городе святого Имама Риза пробыть только семь дней?! Как вы себе хотите, но я остаюсь, товарищи!».

Действительно чувствовал себя я в эти дни превосходно. Я был одет, как лучший щеголь. Деньги, благодаря саррафу, который мне давал по 3 и по 2 тумана, все время были, и я, не стесняясь, ел и пил в полное свое удовольствие. Думал я, что и впредь

¹) Ростовщик

будет продолжаться то же. Но на другой день, после отъезда моих товарищей, когда я пошел к саррафу за новой получкой, он просто выгнал меня: «ты столько истратил за эту неделю, что твой отец никогда не согласился бы дать тебе такую сумму. А сегодня пришел караван из Кучана и никаких денег от твоего отца нет. Больше не жди от меня ни копейки!».

После такого крушения моих надежд, мне не захотелось возвращаться в караван-сарай — казалось, что хозяин уже знает, что я остался без денег, — и я принялся бесцельно бродить по городу, который перестал уже радовать меня своими великолепными площадями и мечетями. Незаметно для самого себя я вышел к мечети, в грустном раздумьи присел на каменную плиту, и закурил из своего чубука. Замечаю, наконец, что в меня внимательно всматривается какая-то женщина — лица ее из-под покрывала, конечно, не видно. Вдруг она подходит ко мне и говорит: «Молодой человек, разрешите мне покурить из вашего чубука?».

Протянула руку, и по руке вижу, что должна она быть молодая и недурна собой. Покурила и говорит: «Что это вы такой грустный? Расскажите, что вас печалит, молодой мешеди?».

Да, — говорю я, — я действительно был счастливым мешеди в течение семи дней, а сегодня я не нахожу никакого выхода из своего положения».

Слово за слово, и я ей все подробно рассказал про себя и про свои затруднения.

— Если вы обещаете ненарушимо хранить мою тайну, которую я вам доверю, — говорит она, — и помочь мне в моем деле, вам не придется беспокоиться о деньгах: я дам вам столько, что хватит вам и здесь еще пожить и на обратную дорогу в Кучан.

В тогдашнем моем положении эти слова могли только обрадовать меня.

Женщина потребовала с меня клятвы святой гробницей Имама Риза и Синим Куполом Мешхеда в том, что я никому не расскажу ее тайны, и только после клятвы начала говорить:

«Зовут меня Фатима-Султан. У меня есть ребенок, но муж мой уже давно в безвестном отсутствии, и соседи смотрят подозрительно. Они готовы обвинить меня в разврате и незаконном рождении ребенка. Но ты можешь выручить меня, выдав себя за моего мужа, про которого я все время говорю, что он в путешествии по торговым делам и со дня на день должен ко мне вернуться. Я дам тебе сейчас два тумана. Ты сходишь в баню и купишь — вот в этот платок — разных гостинцев мне и ребенку. А завтра в полдень приходи к моему дому, который я сейчас тебе укажу и стучи в дверь, громко зови, как хозяин дома: Эй, Фатима-Султан!».

У меня будут гости и при них ты должен будешь держать себя, как мой муж и отец ребенка. Ты только что вернулся из длинного торгового путешествия. Вот и все, что предстоит тебе сделать, а за это я щедро вознагражу тебя».

Не долго думая, я согласился. На следующее утро я выбрил голову, вымылся в бане, принарядился, взял платок с гостинцами и пошел к дому Фатимы-Султан. Стучу в ворота, зову: «Эй, Фатима-Султан!» и в ответ слышу радостный возглас: «Муж мой, муж мой приехал!».

Фатима бросилась ко мне на шею, потом дала на руки ребенка и, наконец, стала говорить сидевшим за столом гостям: «Наконец-то, наконец-то мой дорогой муж вернулся».

Гости в свою очередь задали мне несколько вопросов о моем мнимом путешествии по торговым делам, а затем, — чтобы не мешать радости супругов — быстро удалились, оставив меня и Фатиму-Султан наедине. Мы, в восторге от удачи нашей затеи, принялись за угощение. Я прекрасно провел с Фатимой-Султан весь этот день и всю ночь. На утро она мне дала пять туманов, и я снова отправился в баню.

«Когда вернешься, — сказала Фатима-Султан, — мы с тобой, взяв ребенка, пойдем в мечеть, где мулла даст нам развод. Я скажу мулле, что ты мой муж, который хочет уехать и увести меня к своим родителям в Ку-

чан, а я не могу и не хочу уехать из Мешхеда.

«Мулла три раза переспросит нас, стоим ли на своем или согласны помириться и жить вместе. Ты, конечно, настаивай на твоём желании увести меня в Кучан. Мулла волей-неволей должен будет дать нам развод, и твоя услуга на этом кончится».

Я подумал и согласился. Фатима-Султан взяла ребенка на руки и мы пошли в мечеть, где все так и вышло, как она говорила.

— Мой отец болен, — говорю я, — и я должен переселиться к нему, чтобы взять на себя его дела. А моя жена не хочет со мной ехать.

Мулла три раза переспросил меня и Фатиму-Султан: не раздумаем ли мы — не соглашусь ли я остаться в Мешхеде, или она — уехать в Кучан.

— Нет, нет и нет.

Тогда мулла прочел разлучительную молитву, и мы, никогда на самом деле не вступавшие в брак, были разведены. К ужасу моему, как только эта церемония окончилась, Фатима-Султан бросила мне на руки ребенка:

«Раз ты не хочешь со мною жить, вот тебе твой ребенок — делай с ним что хочешь!» — вскричала она во всеуслышание.

Ребенок оказался у меня на руках, и я стоял в полном недоумении, не зная, что мне делать. Впрочем, у меня теплилась смутная надежда, что это лишь продолжение начатой комедии (хотя заранее об этом и не говорилось Фатимой-Султан) и рассчитывал, что потом она возьмет ребенка обратно.

Но эта женщина начала играть всерьез. Объявить, что я никогда не был ее мужем — я, разумеется, не мог. Меня бы моментально заключили в тюрьму за обман господ бога. И так как публика была на стороне Фатимы-Султан, положение мое было незавидное. Я пошел к дому Фатимы-Султан, но дверь была на запоре. Единственное, что мне оказала полезного Фатима-Султан, это был совет: «Подбрось ребенка к дверям мечети».

Делать было нечего, и я, под улюлюканье базарной толпы, пошел с ре-

бенком на руках отыскивать мечеть, куда обычно подкидывали харам-задэ (незаконнорожденных детей).

Как только настали сумерки, я торопливо положил ребенка в каменную нишу возле ворот мечети и пустился бежать. Но, как на зло, ребенок, который до тех пор молчал, пригравшись на моей груди, как только очутился на холодном камне, заорал на всю махалля.

Моментально выскочили из соседнего дома муллы и талаба и поймали меня.

— Ага, так это ты каждую ночь подкидываешь нам ребят! — закричал главный мулла, закатывая мне оплеуху за оплеухой.

Ребенка мне мигом вручили обратно. Но этого мало:

— Дать ему и того ребенка, которого он вчера подкинул — и третьего дня.

И через полминуты на моих руках оказался уже не один, а целых три ребенка. Толпа хохотала и издевалась на мой счет до-сыта.

А мне было не до смеха. Тащу трех ребят — харам-задэ — на руках и сам не знаю, куда их тащу, так как итти мне было буквально некуда. Чтобы они не кричали, я купил им касу молока и, размочив в нем лепешку, насовал этой тюри всем трем им полные рты. Им это, кажется, понравилось, и мало по-малу они затихли. Но куда-нибудь итти все-таки нужно было, присесть где-нибудь не было ни малейшей возможности, так как тотчас же собиралась толпа и мальчишки начинали дразнить меня и швырять в меня камнями, крича: «Вот тот, кто каждый день подкидывает ребят».

Я стал выбирать улицы попустынные, и мало по-малу вошел в совершенно мне незнакомый и, повидимому, богатый квартал. Тем временем взошла полная, как апельсин, круглая луна и при ее свете я вдруг заметил, что калитка во двор одного из домов была незапертой. Я прислушался и не услышал ни шороха. Ноги мои подкашивались от усталости и я не раздумывая, вошел во двор. Визуально красиво убранный сад, вокруг которого идут, под прямым углом друг к другу, две линии построек: слева

высокий дом, к стене которого при- ставлена лестница, и по ней можно забраться на самую крышу (крыши у нас разумеется, все плоские, точно пол). Справа же — целый ряд разных служб, чуланчиков, погребов, оранжереек и т. д.

Ни на минуту не задумываясь, я поднялся по лестнице на крышу, раз- ложил там моих младенцев, которые, наевшись молока с лепешкой, засну- ли, как убитые, и в первый раз об- легченно вздохнул.

Разлегся и стал смотреть вниз — в сад.

В саду ни души. Кто-то, однако, должен, повидимому, прибыть, по- тому что прямо под стеной стоит со- фа, а возле нее стол, весь уставлен- ный всевозможными кушаниями, фруктами и винами.

Я отчетливо вижу все, что лежит на столе, а так как с самого утра у меня не было ни росинки во рту, мне безумно захотелось слезть и утащить к себе наверх холодную курицу и грудинку молодого бараш- ка, которые так соблазнительно кра- совались внизу.

И я готов был уже осуществить это желание, как вдруг в воротах по- слышался стук конских копыт и са- модовольный голос какого-то мужчи- ны. Я притаился бесшумно и недви- жимо.

Навстречу приехавшему из того дома, на крыше которого я засел, выпорхнула стройная женская фигу- ра без чадры и с голыми до плеч ру- ками. Мне ее около двух часов при- шлось затем разглядывать во всех са- мых интересных позах, и должен ска- зать, что сложена она была безукор- ризненно, а лицо напоминало пери.

Приезжий был видный молодой мужчина лет тридцати, судя по одеж- де — богатый и знатный офицер высо- кого чина.

Они поместились, как раз, на этой самой софе, что стояла внизу подо мной, в непосредственной близости к холодной курице, баранине и про- чим яствам.

Вот тогда узнал я, что значит тан- талова мука. Приходилось страдать одновременно от голода, и от жажды (а вино внизу текло рекой!) и от неразделенной страсти — точнее от

страсти разделенной, но без моего в этом участия.

А мои харам-задэ все спят, как мертвые.

Внизу сад. Тишина. Луна. Гуль и Бульбуль.

Бульбуль совсем запьянел.

Вдруг произошло то, чего никто не ожидал. Караван, с которым должен был уехать муж нашей красавицы, расстроился и муж вернулся домой. Долго и напряженно, а под конец яростно, он колотил в запертые ворота.

Красавица заметалась. А Бульбуль уже ни лыка не вяжет. С большим трудом удалось ей перетащить его в маленький чулан направо от дома. Сунула ему под голову подушку, и он немедленно погрузился в глубокий сон.

Тогда она побежала открывать во- рота и приветствовать своего мужа. Ему, дескать, пришлось подождать у ворот, потому что она никак не мог- ла проснуться.

Муж оказался типичным и тол- стым купцом, — потом я узнал, что он одно время выполнял даже долж- ность купеческого старшины.

Он прямо от ворот прошел в дом, ни на что не обратив внимания.

Через минут пятнадцать красави- ца выходит из дому от мужа, берет со стола облюбованную мною курицу и несет ее в чулан любовнику.

Это было уже выше моих сил. Только она вернулась в дом, как я мигом спустился по лестнице вниз и через секунду уже был в чулане. Ощупью схватил курицу и запустил в нее зубы. Через десять минут от курицы, кроме костей, ничего не оста- лось.

Итак, мы распределились в три от- ряда: трое на крыше, двое в чулане, двое внутри дома.

Чем бы это закончилось, я не знаю, но внезапно события потекли по новому пути. Мой сосед проснул- ся и стал сильно икать.

— Что это за звуки там на дво- ре? — слышался голос мужа.

— Это, должно быть, кошка, — отвечала жена, и вышла во двор, как бы для того, чтобы прогнать кошку. Муж, повидимому, продолжал прислу- шиваться и раздумывать над тем, по-

чему ему раньше не приходилось наблюдать как икают кошки.

Она же вошла в наш чуланчик и старалась успокоить и вразумить своего любовника. При этом она едва не касалась меня обнаженными своими локтями, но, благодаря полной темноте, так и не заметила меня.

Любовника, однако, привести в себя, было трудно. Он находился в том, крайне невразумительном, состоянии, когда потолок и все прочее начинает вращаться, голова будто бы летит куда-то вниз, в пропасть, а к горлу подступает уже не воображаемая, как это мнимое вращение, а самая настоящая, самая конкретная рвота.

И я, и она, повидимому, поняли, что приступ будет неизбежен. Но как сделать это неслышимым?

Оказалось, однако, что попытки заглушить шум этого извержения были бы столь же напрасны, как и попытка сделать бесшумным извержение вулкана или выстрел из 12 дюймового орудия.

Муж ее прибежал в чулан с удивительной для его полноты быстротой.

— Вор, разбойник... — завопил он, — что ты делаешь в моем доме?

Меня он так и не заметил.

На вопрос: «что ты делаешь в моем доме» — пьяный красавец ответил новым приступом рвоты.

Купец набросился на гостя с кулаками. Но тот, воображая, повидимому, что при нем находится кто-нибудь из его слуг, обязанных, разумеется, защитить его, повелительно крикнул:

«Гасан, бизан!» («Гасан, бей его») и на этот клич я, точно по команде, закатил купцу сильнейший удар в ухо. Сила у меня была в то время не маленькая (не то, что теперь), и купец, оглушенный, свалился на землю...

В боксе после нок-аута полагается считать до 10, но нам считать было некогда.

С помощью прекрасной Гуль, я извлек ее любовника из чулана, и мы вывели его через ворота на улицу. Как раз в этот момент с крыши раздался неистовый вопль одного из моих харам-задэ. Ребенок проснулся и

требовал новой порции молока с лепешкой. Через минуту к нему присоединились и другие двое.

Как я узнал впоследствии, крики этих трех младенцев оказали большую услугу нашим любовникам. Отыскав на крыше трех харам-задэ, купец перестал подозревать жену в прелюбодеянии, ибо ни одному любовнику не придет в голову мысль, что для удовлетворения любовной страсти нужно помещать трех крикливых ребят на крышу. Зачем появились в его дворе мужчины с тремя младенцами? — это продолжало, разумеется, быть загадкой для купца, но загадкой, заведомо уже, не любовного характера.

Когда мы очутились на улице, — совершенно безлюдной и темной улице ночного Мешхеда, — моему спутнику стало повидимому лучше. Свежий ветерок более или менее протрезвил его. Он дал мне в руки кинжал и велел защищать себя.

Тем временем купец в чулане уже очухался, выбежал на улицу и поднял крик на целую махалля: «Воры-бандиты! Ловите держите их!»

Сам ловить и держать он уже, впрочем, не выражал желания.

В результате нас окружил дозорный патруль полицейских.

Но каково было мое удивление, когда — вместо того, чтобы задержать нас, — начальник патруля, как голько взглянул в лицо моего спутника, согнулся перед ним в трипогибели и подбостранно пролепетал:

«Ассалам алейкум, ага!».

— Его называют «ага», — подумал я. — Судьба мне послала, значит, встречу с великим человеком.

Мы, конечно, беспрепятственно двинулись далее, и через несколько десятков саженей встречаем слугу, ведущего под узды чудного туркменского коня.

Оказывается, мой «ага» — никто иной, как сын губернатора Мешхеда и он велел слуге подать в назначенный час коня, на котором должен был вернуться домой от своей возлюбленной.

Ты кто такой? — спросил меня конюх.

— Как кто? Я охраняю «агу». «Ага» доверил мне свой кинжал, и я

верой и правдой защищал агу в минуту опасности.

— Да, да, — подтвердил «ага».

Конюх хотел взять от меня кинжал, но я не отдал:

— «Ага» мне доверил кинжал и я завтра сам принесу этот кинжал ему лично во дворец; по этому кинжалу он узнает меня.

На этом мы и расстались.

На утро я привел свой туалет в порядок, взял в руки кинжал и пошел во дворец губернатора.

Слуги опять-таки хотели взять у меня кинжал, но я сказал, что отдам его только тому, кто доверил мне его.

И я предстал перед светлые очи губернаторова сына. На плечах его были золотые эполеты. Он мне показался немногим разве меньше по чину, чем сам алах, вседержитель вселенной. Во всяком случае, столь высокопоставленного лица мне никогда еще не приходилось видеть.

— Так это я тебе крикнул «Гасан-бизан?» — спросил «ага».

— Мне, ваша светлость.

— Молодец.

И он помолчал, видимо, обдумывая о чем нужно и о чем не нужно говорить со мною.

— Кто же ты? и как ты попал туда? («Туда» — под этим словом подразумевался чулан, где я с'ел предназначенную для него курицу).

В ответ я, упав на колени, рассказывал подробно и откровенно всю мою историю, начиная с приезда в Мешхед и кончая вчерашними приключениями, пережить которые заставила меня хитрость вероломной Фатимы-Султан.

Когда я кончил, он громко захохотал и хохотал минут пять. Потом посмотрел на меня и опять принялся смеяться — и так несколько раз.

Наконец, нахохотавшись до усталости, он велел отыскать и привести Фатиму Султан.

И увидев ее, дрожащую и перепуганную, он крикнул на нее страшным голосом: «А! ты хочешь, чтобы я отдал тебя на суд шариата и чтобы тебя забросали камнями, как это делают с женщинами, подобными тебе!.. Хорошо!..»

Фатима-Султан тогда пала на колени и, целуя мои ноги, обнимая колени, просила о прощении.

Ну, я ее и простил — ибо в семнадцать лет разве можно не прощать?

И когда я простил Фатиму-Султан, она заплакала и говорит:

— О, если бы ты знал сколько мучений принес мне этот ребенок — мой сын, от которого я избавилась, бросив его тебе на руки!.. Конечно, не само дитя мое приносило мне эти муки, а та молва, которая повсюду гонится за женщиной, имеющей ребенка без мужа, и, в конце концов, приводит ее к позорной смерти. Если бы ты знал, Исмаил, скольких хитростей стоило мне, бежав из одного квартала, поселиться в новом квартале, в том доме, где ты был у меня, и уверить соседей, посредством подкупленных людей, в том, что я — жена купца, что муж мой в дальнем путешествии, и что я с ребенком, жду его возвращения! Соседи как будто верили мне. Но бесконечно это продолжаться не могло, ведь моему мужу нужно же было когда-нибудь вернуться, и соседи, в особенности соседки, стали мало-по-малу, менять свое обращение со мной. Наконец, несколько раз долетало до ушей моих брошенное мне вслед презрительное слово и проклятье: «Продажная женщина!» Чем это должно было кончиться, — ты знаешь: прошел бы еще месяц или два месяца, и, в конце концов, добились бы меня камнями, как развратницу. А ведь я была виновата только в том, что отец моего ребенка был не муж мой... О, несчастное дитя, малютка — сын мой, как я тебя проклинала каждый день с минуты твоего рождения, хотя и не переставала любить сердцем матери. По лицу твоему, Исмаил, я видела, что ты не убьешь моего сына, а постарайся избавиться от него иначе... «Но если он даже и убьет ребенка», говорила я себе, «разве, убив ребенка, не сделает он того, о чем согни раз думала ты сама, хотя у тебя и не подымались руки погубить тобою зарожденную жизнь?» И хотя кровью обливалось мое сердце, когда я решила избавиться от ребенка, но первый свободный вздох мой был только

тогда, когда ребенок перешел с моих рук в твои.

Раз простил я, сын губернатора тоже простил Фатиму-Султан, повелел ей уплатить штраф в 10 туманов. Она удалилась, благословляя милосердие его светлости.

4 дня я прожил во дворце, и его светлость, как увидит меня, так кричит «Гасан бизан» и вновь начинает хохотать. Он подарил мне 50 туманов и драгоценный кинжал.

Пришлось мне повидать и его прекрасную любовницу: когда ее муж уехал, наконец, в свое торговое путешествие его светлость послал меня к ней с письмом.

— Все хорошо, что хорошо кончается... — сказала она, — но, скажи, неужели ты видел все это... словом видел меня обнаженной?

— Конечно нет, — сказал я, — глазам простых смертных опасно взирать на красоту небесных пери: увидев их обнаженными, можно потерять зрение.

— Да простит мне аллах мои преступления, которых ты оказался свидетелем, — продолжала она, — впрочем жаль, все-таки, что ты не смотрел, ибо говорят, что я хорошо сложена.

Она в свою очередь дала 20 туманов и я, счастливый, довольный и богатый отправился в Кучан.

На этом и закончил Исмаил Берхурдаров правдивую историю о паломничестве к святому Иمامу Ризе, о коварстве вероломной Фатимы-Султан, о трех младенцах и прочих неприятностях, а также о всемогуществе аллаха и его светлости сына мешхедского губернатора.

